

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Эйнштейн и испанские анархисты

Фаркуар МакХарг

2012

Фаркуар МакХарг
Эйнштейн и испанские анархисты
2012

Скопировано 2019-08-07 с
<http://akrateia.info/einshtein-i-ispanskie-anarkhisty/>

Перевод: Оксана Щерба

ru.theanarchistlibrary.org

Над закуской в районе Каррер-де-ла-Кадена я снимал комнату вместе с двумя редакторами «Солидаридада», Либерто Кальехой и Иренофильо Дьяро. Закусочную сдавали в аренду шеф-повару по имени Нарцисо, компаньеро, который взял ее под свое руководство после крушения большой забастовки официантов в 1919. Мы, кроме прочего, в закуской и питались – трижды в день, так как наши трапезы были включены в счет аренды, – а днем мы спали на раскладушках.

Я работал инструментальщиком в инженерной компании в Малой Барселоне, но по большей части проводил вечера за переводами и перепиской с разделом международных новостей газеты «Солидаридад Обрера» (“Solidaridad Obrera”). Редакция газеты переехала по адресу Конде-дель-Асальто, 58 (теперь Новая Рамбла) в самом центре 5-го квартала, который нынче, по некоторым причинам, приписывают в прессе Китайскому Кварталу (ныне Эль Раваль).

Я также помогал изданию группы «Crisol» («Тигель»), но там работа была куда менее затратной.

В офисе «Солидаридада», что на улице Конде-дель-Асальто, я встретил самого Эйнштейна, великого физика-теоретика, что приехал в Барселону с лекционным турне, оплачиваемым инженером Эстеве Террадасом – сторонником НКТ и масоном Великого востока Испании. Террадас, пламенный сторонник рационалистического направления, привез Эйнштейна из Берлина, чтобы тот прочитал серию лекций о его недавно обнародованной и горячо обсуждаемой теории относительности.

Эйнштейн прибыл со своей женой Эльзой в конце февраля, и поскольку в то время он был не слишком знаменитым, немного людей знали о его прибытии в город, пока не расклеили объявления о его лекциях в Синдикалистском атенеуме, что на Каррер-дель-Меркадер, и в Рационалистическом атенеуме, что на Каррер-дель-Валеспир в квартале Сантс.

Отцы города и «люди порядка» были возмущены, что великий физик явшается с анархистами и членами Национальной конфедерации труда. И это еще не все. Он поселился в старом обветшалом пансионе, Гранд-Отеле «Le Quatre Nations», что на бульваре Ла-Рамбла 35, на углу Эскуделлер и Плаца-дель-Театро. Отцы города пытались переселить его в отель «Ритц», но Эйнштейн наотрез отказался и настоял, что останется на месте. Когда я его спросил, что такого особенного в этом отеле, тот ответил, что в 1869 в нем остановился Михаил Бакунин – как раз перед Лионским восстанием и Парижской коммуной. Эйнштейн восхищался Бакуниным и нарочно попросил, чтоб его поселили в бывшем номере русского анархиста. Интересно, какое впечатление отель и номер произвели на его жену, ведь они не шибко изменились за последующие полстолетия. Но, кажется, мнение жены не сильно его волновало.

математические, научные, политические, этические, моральные, или даже бытовые проблемы, то лучший выход – уйти от них. Когда кажется, что больше ничего не придумаешь, надо найти способ отвлечься, например, погулять с собакой, если у тебя она есть. Ответ, друзья мои, – триумфально заключил он, – придет, когда вы меньше всего его ожидаете, и вы увидите старые вещи в совершенно новом свете. Как только это случится, дороги назад больше не будет!»

После регистрации в отеле Эйнштейн первым делом отправился в офис «Солидаритада», где и застал меня за написанием статьи. Он вошел, неожиданный и непредставленный, и захотел поговорить с Анхелем Пестаньей. Сначала я его не узнал, и предположил из-за его скрипки и растрепанного вида, что он бродяга, уличный музыкант. Тогда ему было сорок с чем-то лет, но и тогда его окутывала аура неизгладимой отвлеченности, будто он не от мира сего. На нем был поношенный коричневый шерстяной костюм с кардиганом, белая рубашка с высоким пластиковым воротником и красный галстук, а на голове красовалась копна взлохмаченных, непослушных каштановых волос, что торчали во все стороны, как будто ударило током в 2000 вольт. Его волосы уже седели у висков и возле корней – как и его пышные усы, а на его круглом, веселом лице запечатлелось выражение непреходящего, приятного удивления. Глаза его проказливо и весело искрились.

«Салют!» — сказал он, радушно хватая мою ладонь обеими руками. «Пожалуйста, позвольте мне представиться! Меня зовут Альберт Эйнштейн, и я тоже революционер и анти-авторитарист: я самый настоящий сорвиголова и бесстрашный шваб. Вы, анархисты и анархо-синдикалисты, такие же бесстрашные швабы, революционеры улиц. Я, однако, революционер нового поколения, и орудую в области квантовой физики. Я ниспровергну реакционных теоретиков, и понесу знамя квантовой революции на доселе неизведанную территорию, и осуществлю конечный, триумфальный синтез единой теории поля».

Я тупо, ошарашено взглянул на него, и, к своему стыду, все, что я смог выдавить этому великому человеку, было: «В самом деле? С ума сойти! Хотите чашечку кофе?»

Пестаньи на месте не оказалось, так что я коротко объяснил, кто я такой и что делаю в Барселоне, и предложил отвести его к профсоюзным офисам на прилегающей Каррер-

Ну, где, возможно, мы могли бы его найти. Мы отлично сошлись, и всю дорогу болтали как старые друзья. Он хотел встретиться Пестанью, потому что его берлинские друзья-анархисты – Рудольф Рокер, Фритц Катер и Августин Сухи – сказали, что именно этот человек лучше всех объяснит, что творится в Испании.

Находиться в компании Эйнштейна было сущим удовольствием – он поддерживал и симпатизировал всему, что мы делали. Мы часами болтали в офисе Пестаньи, а потом пошли ужинать. Это был незабываемый вечер, полон прозрений в сфере физической и метафизической вселенной – как был незабываем и сам человек.

«Как приятно находиться там, где никому нет дела до квантовой физики!» – это одна из его наиболее запомнившихся ремарок. Он одинаково любил как музыку, так и колбаски, так что мы повели его в ресторан, что славился своими чоризо (сырокопченая колбаса) и местным струнным квартетом. И то, и другое пришлось весьма по душе «бесстрашному швабу». Как он выразился: «Хорошие колбаски насыщают тело, а хорошая музыка питает воображение». Ему настолько понравилось, что в ресторане есть свой оркестр, что он запрыгнул на сцену со своей скрипкой и стал умолять музыкантов, чтоб те позволили ему к ним присоединиться. А что им оставалось? Вскоре они осознали свою ошибку, но все – от музыкантов до посетителей – восприняли его вклад в вечернее развлечение не критично и с долей юмора, и под конец аплодировали ему стоя – возможно, чтобы согнать его со сцены. Его игра была ужасна, и казалось, он совсем не в курсе, что таланта у него нет ни грамма. Эйнштейну было под силу предвидеть искривление пути звездного света из-за искривления космического пространства, но на скрипке играл он дерьмово.

Эйнштейн был из тех людей, у кого есть теория и свое мнение насчет всего, а не только теории относительности,

однако он никогда не был скучным или дотошным – даже в своем пацифизме. Его речи были зажигательными, и он с жаром вещал насчет своей ненависти к государственной власти и всем видам притеснений. «Политика, – говорил он, – существует для настоящего, а наши уравнения существуют для вечности». Единственное, насчет чего у него пока не было теории, это то, что он называл «*einheitliche Feldtheorie*», объединенная теория поля или теория всего – но он над ней работал.

За ужином он объяснил, как к нему в голову пришла идея об относительности. Случилось это во время обеденного сна о путешествии на луче света. Он описал это как один из своих «Ага!»-моментов, когда его «маленькие серые клетки мозга» внезапно совершают прорыв. «Озарения вспыхивают в тебе, когда меньше всего их ожидаешь – заметил он – когда ты думаешь, что твой мозг не в силах одолеть проблему, с которой ты сражаешься, и ты пребываешь в рассеянности и думаешь о чем-то совсем другом».

Один из таких «Ага!»-моментов позволил ему применить теорию относительности к гравитации. Это великое прозрение наступило однажды после обеда, когда он отстраненно таранился из окна на патентное бюро, в котором работал. Через дрогу он заметил кровельщика, что незастрахованный карабкался по крыше высотного здания. Внезапно, перед ним молнией пронесся падающий человек – и хотя от самой этой мысли ему стало дурно, он все же просчитал, невероятным образом, что пока человек не грохнется на землю, он не осознает своего веса. Этот момент он описал как момент «совершенной достоверности», и эту вдохновляющую мысль он считал самой счастливой за всю его тогдашнюю жизнь. Все относительно, как я смею предположить.

«Более глубокий смысл этой истории в том, – сказал он, – что если ваше решение проблем зашло в тупик, будь то